

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 13 (2328). Суббота, 29 марта 1947 г. Цена 50 коп.

1 стр. Передовая. Читатель-друг. Герои колхозного труда и литература. Читательская конференция «Литературной газеты». Из выступлений студента К. Борина, проф. Е. Борисенко, студента В. Трушечкина, доцента И. Гунара, проф. С. Колеснева.
2 стр. Прославим тружеников колхозных полей. Читательская конференция «Литературной газеты». Из выступлений студентки Н. Дробышевской, студентки Г. Малышевой, доцента А. Савича, проф. В. Харченко, А. Твардовского и Геннадия Фиша. Л. Пасынков. Большой горизонт.

3 стр. В. Кожевников. Мир светлых чувств. И. Гринберг. Вместе с героем. Л. Малюгин. Молодой писатель и старые штампы. Н. Емельянова. Радость узнавания жизни.
4 стр. В. Александров. Книга о Диккенсе. И. Званица. Английский вариант «свободы» печати. Информация. У писателей Ленинграда. Подготовка к 800-летию Низами. Новое издание сочинений В. Г. Беллинского. Книжки о советской деревне. В секции народного творчества ССП СССР.

ЧИТАТЕЛЬ-ДРУГ

Советская литература — самая передовая, идейная, самая демократическая литература мира. Ее принадлежит заслуга создания и утверждения подлинно положительного народного героя — строителя коммунистического общества. Этот герой пришел с собою новые темы, сюжеты, образы, невиданно раздвинувшие рамки литературы. Историческая новизна советской литературы сказывается во всем — от созданного ею нового метода социалистического реализма до качественно новых взаимоотношений с читателем, который является одновременно и героем ее книг.

Лучшие представители русской классической литературы прошлого страстно мечтали о непосредственном общении со своим читателем. «Для писателя нет большей награды, — писал великий революционер-демократ М. Е. Салтыков-Щедрин, — как иметь публику, которая настолько ему верит, что даже от времени до времени удостоивает его непосредственным с собою общением».

В условиях прежнего общества мечта о таких взаимоотношениях была только мечтой. Салтыков-Щедрин с гневной горечью не раз говорил об удрученном положении убежденного писателя, лишенного возможности непосредственного общения с читателем-другом. Он с горечью отметил также, что русский читатель, который имеет доступ к книге, в большинстве своем не тот желанный друг, а существо для писателя неопределенное, которое, очевидно, еще полагает, что он сам по себе, а литература — сама по себе. Что литератор поощряет, а он, читатель, почитывает».

Страстно, неопорочно веря в приход нового читателя, Щедрин пророчески предсказывал, что наступит время, когда этот новый читатель не только поймет, что между ним и литературой профессиональной существует известная солидарность, но и поймет, что на нем, как на читателе, лежит ответственность за состояние литературы, что ответственность эта взаимная и «сборная половина этого бремени должна пасть и на него».

В. И. Ленин первый четко определил форму новых взаимоотношений между читателем и писателем. В статье «Партийная организация и партийная литература», в которой сформулирован великий принцип партийности литературы, Ленин, говоря об организации литературного дела на основе нового принципа, писал: «За всей этой работой должна следить организованная социалистический пролетариат, всю ее контролировать, во всю эту работу, без единого исключения, вносить живую струю живого пролетарского дела, отнимая, таким образом, всю почву у старинного полу-буржуазного, полу-торгашеского российского принципа: писатель поощряется, читатель почитается».

На протяжении тридцати лет нашего советского государства партия, объединившая писателей и неуклонно осуществляющая ленинские принципы организации литературного дела. Она неустойчиво напоминает писателям, что советская литература призвана служить «миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущее» (В. И. Ленин). Она поднимала широкие массы читателей из народа, приобщала их к высотам культуры, привила им высокую требовательность к своим писателям, сознание ответственности за состояние литературы и искусства в стране.

Недавние исторические указания партии о задачах литературы и искусства, доклад тов. А. А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», направленные на дальнейшее углубление и расширение демократичности нашей литературы, явились также и могучим фактором расширения народной среды вокруг литературы и всего фронта нашего искусства. Вопросы, интересовавшие когда-то только узкую прослойку деятелей искусства и интеллигенции, стали достоянием широких масс советского народа.

Всеобщее обсуждение исторических документов партии о литературе и искусстве вызвало все расширяющуюся волну читательских конференций, встреч с писателями, обсуждений творчества советских литераторов на фабриках, в колхозах, в учебных заведениях. Искусство в нашей стране постынно стало делом всего народа, который ждет от литературы ответа на волнующие его вопросы, требует прямой помощи в великом деле строительства коммунизма. Массовый читатель предъявляет писателям своим высоким требованиям, он ждет от них полноценных художественных произведений, объединяющих его многотрудный и величайший опыт в Отечественной войне, изображающих и обобщающих героизм народа, восстанавливающего и развивающего свое хозяйство.

Чрезвычайно показательны во всех отношениях читательская конференция, проведенная на днях редакцией «Литературной газеты» совместно с партийной организацией Сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева.

Значительна сама тема этой конференции — «Колхозная деревня в советской художественной литературе», тема, обобщающая непосредственно вслед за опубликованием исторического постановления февральского Пленума ЦК ВКП(б) о сельском хозяйстве. Читатель высоко ценит роль литературы, как помощника в решении задач, стоящих перед советским народом.

КИЕВ

Главному редактору «Литературной газеты» тов. Л. Серпилину

Президиум Союза советских писателей СССР горячо и дружески приветствует редакционную коллегию и коллектив сотрудников украинской «Литературной газеты» в связи с 20-летием ее издания.

«Литературная газета» за эти 20 лет не мало сделала для укрепления и расцвета украинской советской литературы, для организации и политического воспитания украинской литературы общественности.

Еще более ответственны и почетные задачи поставлены перед «Литературной газетой» сейчас, в годы послевоенной сталинской пятилетки.

Президиум Союза советских писателей СССР

КИЕВ

Редакции «Литературной газеты»

Горько приветствуем братскую газету писателей Украины. Мы твердо верим, что и сейчас, в годы новой сталинской пятилетки, вы постоянно будете помогать писателям Украины в решении новых и сложных творческих задач, выдвигаемых партией Ленина—Сталина перед всей литературой братских народов Советского Союза.

Мы не сомневаемся в том, что вооружен-

Участники конференции, отмечая заслуги советской литературы в изображении первых лет коллективизации, со всей принципиальной резкостью поставили вопрос о том, что литература плохо освещает важнейшую область нашей действительности — современную жизнь колхозного села и героический труд социалистического земледельца.

В выступлениях участников подчеркивалось, что, как в годы Отечественной войны перо советского писателя было на вооружении Советской Армии, так и создающий народ вправе считать это перо на вооружении строительства. Выступавшие на конференции с глубоким проникновением говорили о задачах, стоящих перед советской литературой.

Они призывали писателей художественно отобразить те колоссальные изменения и сдвиги, которые произошли в жизни деревни и психологию советского крестьянина в предвоенные годы и в годы Отечественной войны, прославить тружеников колхозных полей. Героизм советских людей должен быть показан писателем во всей его величии и суровой красоте, ибо те трудности, которые испытывают люди, вызывают их подвиг, оттеняют благородство их советской души.

Давая детальный и часто тонкий анализ пока еще весьма немногочисленных произведений на колхозную тему, связанных с современностью, участники конференции указывали, что наши писатели порою обнаруживают поверхностное знание сельской жизни, нишу своего героя не там, где следуют. Они правильно подсказывали, что ведущими фигурами современной деревни являются коммунист — руководитель колхоза, бригадир-полковник, агроном, мастера урожайности, люди, ведущие непосредственную борьбу за хлеб.

Они призывали изобразить переломные моменты советской деревни во всей их нравственной красоте, во всей сложности и многогранности их характеров, подобно тому, как это сделал в свое время М. Шолохов в знаменитом романе «Поднятая целина».

Участники конференции справедливо требовали, чтобы образы, создаваемые писателем, воспитывали молодежь, вдохновляли ее стремление посвятить свои силы сельскому хозяйственному труду.

Выступавшие на конференции обнаруживали подлинный литературный вкус, драгоценное умение оценивать написанное не с отвлеченных позиций, а с позиций жизни.

Насмешливой критике подвергли они достойные осмеяния конкретные недостатки произведений. Их авторы, оставаясь в плену общепринятых традиций «крестьянской литературы», злоупотребляют стандартными образами, натурализмом описаний, шаблонными положениями, варваризмами языка.

Выступившие ясно показали, что массовый читатель теперь не склонен удовлетворяться только актуальной темой без подлинного художественного ее воплощения. «Кроме требований и вкусов нашего народа, поднялся очень высокий и тот, кто неспособен идти в ногу с народом, удовлетворить его возросшие требования, быть на уровне задач советской культуры, неизбежно уйдет в тираж» (А. Жданов).

В сегодняшнем номере «Литературная газета» публикует ряд выступлений на этой читательской конференции. Все они проникнуты искренним желанием выразить писателям горячую признательность, донести до них собственные пожелания и мечты. Советский читатель сам ищет живого общения со своими писателями — столь же страстно, сколь страстно, но в то же время тише, нежели в дни общения с живыми читателями великие русские революционно-демократические писатели.

Какой писатель может равнодушно пройти мимо такого знаменательного и вдохновляющего факта нашей современности, мимо этого осуществления вековой мечты лучших художников прошлого!

Живое, непосредственное общение с читателем — сколько тем и образов подсказывает оно писателю, каким знанием жизни его обогатит, от скольких ошибок сможет предостеречь!

Великий Горький в своей писательской практике всегда стремился использовать возможность общения с читателем как непосредственного, так и при помощи переписки. Николай Островский, прикомандированный к постели, по радио беседовал со своими читателями. Можно сказать, что для В. Маяковского это повеление было необходимо, как воздух, оно возбуждало его творческую энергию.

Далеко еще не все наши писатели понимают это. И потому вполне уместно напомнить здесь слова А. М. Горького:

«Литераторы Союза Советских Социалистических Республик видят, для кого они работают. Читатель сам приходит к ним, читатель называет их «инженерами души» и требует, чтобы они организовали простым людям в хороших правых образах его ощущения, чувствования, мысли, героическую его работу. Таково плотное, непосредственное единение читателя с писателем никогда, нигде не было, и в этом факте трудность, которую мы должны преодолеть, но в этом факте — наше счастье, которое мы еще не научились ценить».

КИЕВ

Президиум Союза советских писателей СССР

Президиум Союза советских писателей СССР горячо и дружески приветствует редакционную коллегию и коллектив сотрудников украинской «Литературной газеты» в связи с 20-летием ее издания.

«Литературная газета» за эти 20 лет не мало сделала для укрепления и расцвета украинской советской литературы, для организации и политического воспитания украинской литературы общественности.

Еще более ответственны и почетные задачи поставлены перед «Литературной газетой» сейчас, в годы послевоенной сталинской пятилетки.

Президиум Союза советских писателей СССР

КИЕВ

Редакции «Литературной газеты»

Горько приветствуем братскую газету писателей Украины. Мы твердо верим, что и сейчас, в годы новой сталинской пятилетки, вы постоянно будете помогать писателям Украины в решении новых и сложных творческих задач, выдвигаемых партией Ленина—Сталина перед всей литературой братских народов Советского Союза.

Мы не сомневаемся в том, что вооружен-

На читательской конференции в Сельскохозяйственной академии им. Тимирязева. Выступает Герой Советского Союза студент В. Трушечкин.

Фото Е. Тиханова.

ГЕРОИ КОЛХОЗНОГО ТРУДА И ЛИТЕРАТУРА

Читательская конференция «Литературной газеты» в Московской ордена Ленина сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева

Волнующая книга

К. БОРИН, студент, депутат Верховного Совета РСФСР

Я недавно прочитал книгу В. Овечкина «С фронтовым приветом». Она меня очень взволновала. Писатель правдиво показал великодушие, духовную зрелость человека колхозной деревни. Его герой — капитан Сивак и старший лейтенант Петренко, вышедшие из рядов колхозников, становятся боевыми командирами. Но не описание отдельных сражений, не военные сцены — в центре повести В. Овечкин стремится раскрыть внутренний мир советского человека. Писатель хочет вмешаться своим произведением в жизнь, он размышляет не только о настоящем, но и о будущем, о том, как будут советские люди, советские крестьяне жить после войны. Герои повести понимают, что и в мирной жизни надо не старые рубежи сохранять, а новые завоевывать, надо работать еще лучше, еще плодотворнее.

Герои Овечкина умеют не только отважно сражаться, командовать и вести массы за собой, они — мыслящие, озаренные люди. Нам, тимирязевцам, есть чему поучиться у этих героев!

Я как читатель очень хочу, чтобы именно В. Овечкин продолжил эту тему о новом человеке советской деревни, чтобы он рассказал о нем теперь, в дни мира и созидания. У нас есть что показать в колхозной деревне.

Мне очень жаль, что повесть «С фронтовым приветом» я прочитал только теперь, перед читательской конференцией. Оказывается, это произведение написано довольно давно. Но даже у нас, в библиотеке Тимирязевской академии, не было этой книги. Я спрашиваю: как же она попала в деревню? Такие книги пишутся ведь не только для редакторов и писателей, а для людей, которые работают на полях. Книготорговые организации плохо заботятся о своем потребителе.

Мне кажется, что повесть «С фронтовым приветом» надо рассылать по деревням и колхозам, знакомить с ней работников сельского хозяйства, потому что она помогает им в их жизни и труде. Такие книги душу перестраивают, они помогают воспитывать, подсказывают человеку.

Мне заверяю вас, наши уважаемые писатели и работники литературы, что будем и хорошие специалистами сельского хозяйства, подем на поля и добьемся высоких урожаев, будем и хорошими читателями, помогающими вам в творческой работе.

Е. БОРИСЕНКО, профессор

Недавно я прочитал повесть Н. Тощакова «Черома». Бесспорно, произведение представляет известный интерес.

По-моему, Тощакову удалось образ демобилизованного колхозника Жижарев. Возвратившись в родную деревню, герой повести энергично включается в общественную работу.

Но все же, мне кажется, что в поэзии

Героическое слово о героических людях

Все мы любим нашу советскую литературу, радуемся каждому новому ее успеху и горюем по поводу ее неудач. Но на мой взгляд, советские писатели несправедливо мало внимания уделяют нашему колхозному делу.

Советская действительность внесла величайшие изменения в жизнь крестьянства, а его быт, в его психологию. И наша литература имеет прекрасные, я бы сказал, даже величественные документы на эту тему. Я считаю, что произведения нашего Шолохова «Поднятая целина» и «Тимур и Шантар» полны жизни, они раскрывают внутреннюю сущность крестьянской жизни. Шолохов изобразил наше советское крестьянство в самый поворотный момент, когда оно из одного исторического состояния переходило в другое. В романах его показана крестьянская душа. Она перед читателем, как на рентгеновском снимке, со всеми ее изгибами, с мало понятыми подчас движениями вперед и назад, с ее смятением и трепетом. Если бы в этой аудитории сидели Ахсиныя или деа Шукаря, мне кажется, мы их сразу узнали бы. Ахсиныя каждый читатель знает. Он знает ее милую улыбку, знает ее восторг. Также и этого старого казака Шукаря. Мы вы его физически ощущаем, настолько он краснivo, сочно и художественно написано автором. Это вызывает глубокое уважение, преклонение перед нашей литературой. Конечно, это субъективно, но я считаю, что в изображении крестьянской жизни Шолохов поднялся выше Бальзака и других мировых художников прошлого.

Но с тех пор, как вышли романы Шолохова, никто из нашей многочисленной и славной плеяды советских писателей не создал столь же значительных произведений о колхозной деревне.

Я не в укор говорю, не в осуждение; мой слова — добрый совет человека, который хочет, чтобы дело, которому он служит всю свою жизнь, — процветание нашего сельского хозяйства, — было представлено и в литературе.

Есть, конечно, произведения, которые крестно затрагивают этот вопрос. С моей

Образы послевоенной деревни

В. ТРУШЕЧКИН, студент, Герой Советского Союза

Я остановился на пьесе А. Корнейчука «Приезжайте в Звонковское». Она сейчас поставлена в Москве в Театре им. Вахтангова. Автор показывает мирный труд, возрождение жизни в колхозе после войны. Он рисует украинское село, которому фашисты нанесли тяжелые раны, сжгли его. Колхозники возвращаются на родные места и начинают строить все заново.

Пьеса вытекает глубокие изменения не только во внешний облик села, но и в судьбы людей и их характеры. Восстановление колхоза руководит председатель сельхозвета Анна Груша и пришедший с войны коммунист Прокоп Гаренко, умный, рассудительный человек, отдающий делу все свои силы. Возвращается из армии и старший лейтенант Василий Горленко, тракторист. Он горюет любит свою профессию и с жаром говорит о ней.

Интересно показаны в пьесе и люди другого склада, которые много поведдали на войне, заметно выросли в армии, но не сразу сумели примениться к условиям мирного будущего труда. Арипка, заслуженная свинарка, хорошо работающая до войны, после пребывания за границей воображает, что ей неужто вернуться к прежнему занятию. Старший сержант Степан Груша считает для себя зазорным оказаться «под началом баба», возглавляющих колхоз и сельсовет. Подруги смеются над Арипкой, и она, в конце концов, сама понимает, что ее увлечение всем «европейским» смешно и нелепо. Находит себе приличное и бывший конюх Степан Груша, так как колхоз собирается восстановить коневодство.

Но в пьесе есть, мне кажется, недостаток. Основную деятельность колхозников не показана. Они заняты строительством, но совершенно не ясно, какова материальная база этого строительства. Ведь надо пахать, колхозники занимаются главным образом земледелием, их первая задача — добиться богатого урожая, а об этом в пьесе речи нет.

Колхозный агроном представлен в спектакле как «мимолетное виденье»: он объясняет в любви молодому архитектору Зине, и на этом роль в пьесе заканчивается. По-моему, писатели должны раскрыть значение агронома в подеме сельского хозяйства. Сейчас его роль еще более возрастает в связи с постановлением февральского Пленума ЦК ВКП(б). Хорошо бы описать путь агронома, начиная со студенческих скамьи.

Несмотря на эти отдельные недостатки, пьеса А. Корнейчука — значительное явление нашей драматургии. Это — первая пьеса, посвященная послевоенной колхозной деревне.

Вдохновлять молодежь

Все идет слишком уж гладко. Нет никакой внутренней борьбы, нет глубоких переживаний. Герои часто говорят несколько шаблонным языком. Поэтому книга кажется сухой.

Нечего греха таить: среди нашей учащейся молодежи встречается люди, едущие в деревню, в колхоз без особой охоты. Причина этого в том, что они не всегда имеют реальное представление о характере колхозной жизни, часто и не подозревают, какие творческие перспективы несет им откликание для них работа в деревне.

Задача писателя — показать познание этого труда, привлечь учащейся молодежи любовь к колхозной жизни, создать произведения, увлекающие красотой, грандиозностью того дела, которое их ожидает. Именно на эту сторону обратите внимание, товарищи писатели!

Недавно прислали мне книжку писателя Веселова из Кировской области — «Книга об одном колхозе». Читал я ее, читал, — все правильно, ошибок нет, а до души не доходит. Когда мои аспиранты, которые ездили в этот же колхоз, рассказывали мне о нем, это было с моей точки зрения куда интереснее и понятнее, чем у Веселова. Пережить бы их рассказ на язык искусства, Горького, показать бы нам все это! И показать не безлично, а с именами и фамилиями, со свойствами и качествами людей.

Недавно правительство наградило самой высокой наградой десяти наших скромных тружеников, присвоив им звание Героя Социалистического Труда. И каждый из них заслуживает того, чтобы о нем была написана книга! Центральный Комитет партии в решении февральского Пленума указал, что сельским хозяйством должны интересоваться не только представители этой профессии, но и весь советский народ, следовательно, и писатели. Не надо вспоминать сельское хозяйство только перед завтраком, обедом и ужином, надо о нем помнить всегда.

Дело, которому мы служим, — очень трудное и сложное дело. Нужно бороться и с природой, и с вековыми предрассудками. Поэтому великая сила художественного слова должна быть у нас на вооружении так же, как трактор, как комбайн, как новые и самые новейшие машины.

Сравнением этим я не хочу снизить великую роль искусства. Мне кажется, литературе не зазорно быть в одном ряду с великодушными орудиями, при помощи которых советское крестьянство вместе со всем народом создает могущество и величие нашей родины.

Вот мой личный счет к вам, товарищи литераторы, — может быть и нескладно, но от души.

Нам не нужны и протоколы. Протоколы

Поэзия жизни

И. ГУНАР, доцент

Изображение колхозной деревни в художественной литературе должно быть таким же многогранным и красочным, как сама жизнь деревни, ее природа, сельскохозяйственный труд, исполненные глубокой поэзией.

Каждую весну я не могу проходить спокойно мимо появившихся на деревьях маленьких почек, покрытых прозрачными морщинистыми чешуйками. Какими красными цветами они потом распускаются! То, что мы поэтически называем «кассидирующей» лист распускающегося растения, — такая это сложная, прекрасная работа!

Во всех отраслях нашего труда — агрономии, земледелии — много поэзии. Мы сами не всегда это осознаем. И особенно прискорбно, что и писатели, мне кажется, подчас этой поэзии не замечают.

Во многих книгах действуют тракторист, комбайнер, но они оторваны от русской природы, от русского ландшафта, своеобразного, красивого. Иной раз «героями» являются даже не столько тракторист или комбайнер, сколько... трактор или комбайн.

Правда, нелегко создать подлинно художественное произведение о советской деревне, надо уметь проникнуть в суть вещей, быть кровно связанным с землей, с людьми-земледельцами, как, например, Шолохов.

За короткий срок трудно познать сущность земледельческого труда, узнать характер людей деревни. Ведь каждый листик несет на себе не только свой собственный возраст, но и возраст ветки, его зародившей, и возраст ствола, и возраст семени и т. д. и т. д. Так и человек. Нужно его хорошо знать. А некоторые писатели знакомятся с колхозной жизнью поверхностно, не изучают ее. В таких случаях трудно не ошибиться. Вот, например, в «Брусках» Ф. Панферова колхозники в летний, знойный период поливают пшеницу фекальными массами. Даже если книга написана интересно и захватывающе, один такой фальшивый звук портит все впечатление. Читатель очень приторно, нужно, чтобы он верил, что перед ним — живая действительность, а всякая неверная нота историчности, после этого уже ничего не удержишь, читать такую книгу не хочется.

Мне хотелось бы сказать несколько слов о творчестве поэта М. В. Исаковского и А. Т. Твардовского. Я с удовольствием перечитал сейчас их стихи. Поэму «Василий Теркин» поэт скромно назвал «Книга про бойца». Посвящается она памяти павших в боях за Родину.

В своем послесловии автор говорит, что ему особенно дорого мнение читателя-воина. Не только участники Отечественной войны, но все мы, и крестьяне, и интеллигенты, с волнением читаем и перечитываем эту книгу.

Почему удалось такая книжка «без начала, без конца», как характеризует ее сам автор? Именно потому, что Твардовский — кровь от крови, плоть от плоти нашего русского крестьянства. Он глубоко постигает всю поэзию земледельческого труда. Каждый из нас почувствовал и оценил это знание еще в первой его поэме «Страна Мураяна». И его Василий Теркин — это колхозник на войне. Он нам не предвзятые паспорта и не указания, из какого он села, но Теркин с головы до ног — колхозник, это русский молодой крестьянин, призванный защищать Родину. Это крестьянин с теми новыми качествами советского человека, о которых говорил товарищ Сталин и на которые указывал товарищ Жданов, характеризующие изменения, происшедшие в сознании русских людей после Великой Октябрьской социалистической революции.

Я хотел сказать несколько слов об отношении издательства «Советский писатель» к своим читателям. Я получил экземпляр «Василия Теркина» с белыми листами вместо страниц 61—64. Возмутительное неуважение к людям, которые будут читать эту книгу!

М. В. Исаковский, можно сказать, старший брат А. Т. Твардовского. Оба они смелые, а я Брянский. Поэтом и слова, и быт, и природа в их стихах — все мне родное. Во всех стихах М. Исаковского чувствуется, что он пишет только о том, что переживает вместе со своим народом. В стихотворении «Слово русского народа» поэт говорит о конце войны, о победе, и тут же рядом — чудесная картина весны, пробуждения природы:

Проблеск зелены поляны
Навстречу свету и теплу...

Окончание отчета о конференции

сч. на 2 стр.

Проблеск зелены поляны
Навстречу свету и теплу...

С наслаждением читаешь. Можно к этому вернуться и через день и через два. Образы прекрасные.

Высокая поэтичность произведений М. Исаковского и А. Твардовского достигается глубоким проникновением писателей в жизнь, подлинной любовью к людям колхозной деревни, их жизни, их труду.

Окончание отчета о конференции сч. на 2 стр.

Окончание отчета о конференции сч. на 2 стр.

Окончание отчета о конференции сч. на 2 стр.

Окончание отчета о конференции сч. на 2 стр.

Окончание отчета о конференции сч. на 2 стр.

Окончание отчета о конференции сч. на 2 стр.

Окончание отчета о конференции сч. на 2 стр.

Окончание отчета о конференции сч. на 2 стр.

Окончание отчета о конференции сч. на 2 стр.

И. ГРИНБЕРГ Вместе с героем

Три поэмы Евгения Долматовского о жизни и гибели «Одну судьбу» Бегова на фронте, участие в победоносных наступательных боях Советской Армии, в штурме Берлина; возвращение к мирному труду — вот три звена, три этапа биографии, раскрытой в поэмах. Однако, строго говоря, судьба лирического героя Евгения Долматовского началась гораздо раньше, в сборниках стихов о метрополитене, о веселых карнавалах. Об этом начальном периоде нередко вспоминаешь при чтении военных стихов поэта. Вспоминает о нем и сам Долматовский: его «сборник «Вера в победу», вышедший в 1944 году, открывается строками:

Наш мир был светел, он и синел, как
К нему не смеишь полейти печали.
Такой свободой озяримо нас,
Что мы, товарищ, ей не были явны.
Казалось, что не может быть иным
Тот сад, который сами мы растили.
Простую жизнь под небом голубым
Мы первую любовью полюбили.

В поэме «Пропал без вести» действует все то же, уже знакомое лирический герой, который знает окружающего его мир только светлым, юным и синеватым, и то его собственному признанию, еще «не знал цены озаришей его свободы. Мы узнаем его по снам, которые снится ему в неволе («Злата ты дорогим цветом настреуе, а золото, в том самом платье. Птица сидела тебе на плечи, мир открывал для тебя объять. Снился ему карнавал веселый»). Мы узнаем его по воспоминаниям о довоенной жизни («Помнишь ли ты холодную воду? Ее уносили в крем-солое около Пушкина провалами»).

И вот юноша, наивный, немного легкомысленный, готовый к приятию лицом только радости, оказывается одиноким и лику с самыми суровыми испытаниями, которые могли выпсть на его долю. Тяжелая работа выводит его из рядов боевых товарищей, беспомощный и слабый, он попадает в руки фашистов. В лагере для военнопленных гитлеровских мерзавцев не только подвергают советских людей чудовищным физическим пыткам, но и стремятся сломать их волю, унизить их человеческое, советское достоинство, уничтожить и растоптать их душу. У героя поэмы, такого беспечного, казалась бы, неподготовленного к борьбе, находилось достаточно сил, чтобы вырваться из неволи, пройти через все невзгоды и беда, добраться к своим. И мы понимаем, что юноша, не знавший условий жизни в лагере, не мог и не хотел это, не подозревал о возможностях, в нем самом скрытых.

Вот уже близок фронт, уже рядом боевые товарищи — родная Советская Армия. Совсем нет сил у героя. Но он обращается к самому себе с приказом: с призывом:

Доживи! Уж немного осталось.
Доживи, доприни, допошли!
...и поспеши на октябрьский трамвай
На разбитых лопатках и коленях.

Твердая воля ведет изурнованного, ослабленного человека через все преграды к потухшей ноле, вверне, живущей в нем, цели. Но нельзя правдиво рассказать о мужестве советского человека, не выразив самой советской природы его не раскряво его сознательности и одухотворенности.

И потому Евгений Долматовский акцентирует внимание на образе героя не тогда, когда приводит беглые и общие диктанные сведения («Ты бежал октябрьком в школе, детство попынвал красной косынкой, вольную юность провел в комсомоле...»), а когда открывает перед читателем силу патристических чувств и мыслей, кренущих в сердце юноши. Чем тяжелее испытания, тем сильнее духом становится «пропавший без вести», тем явственнее скрывается воспитанность в нем советским строем жизни верность своим убеждениям, любовь к социалистическому отечеству, готовность к борьбе. «Песня» и «Расстрелян» — вот удивительные главы поэмы. Плениение, поэт пропону партизанскую песню Юноша, которого фашисты принесли за комсара, направляемый ими на расстрел, решает:

Пусть я никогда комсаром не был,
Но был я вражьей грозой-чекетом,
Только я рос под советским небом,
Имям, как сердце народа, чистым.

Что же, если так, пусть я и ныне стану
Всем, что они ненавидят яро, —
Стану чекетом и комсаром.
Стану и мстительней неотступным.
Это рождает силу и твердость,
Это моя последняя гордость.

Именно такие открытия, лирические строки, передающие движения ума и сердца героя, — самое ценное в поэме «Пропал без вести». Долматовский здесь гораздо лучше выражает, чем изображает; переживания он передает вернее, чем наблюдает. Когда дело доходит до чужой речи или до описания чужих-либо действий, стих Долматовского сразу теряет присущую ему легкость. Кажется, будто автор, махнув рукой на законы поэтической формы, торопится сообщить читателю необходимые фактуальные

Евгений Долматовский. «Одна судьба», «Советский писатель», 1947. Стр. 118.

связи и мотивировки, чтобы поскорее перейти опять к прямому лирическому раскрытию своих раздумий и чувств.

А между тем в одной из таких «эпизодических» глав появляется Христина Вербина, украинская крестьянка, сплывшая от немцев раненого и слабого беглеца, — героиня всех трех поэм. Однако в отличие от рассказчика, образ которого проясняется на первых же страницах книги, фигура Христины Вербиной только в последней поэме — «Счастливого пути» приобретает отчетливость и определенность. В поэме «Иду за тобой» Христина лишь условный звек — не более!

Автор, очевидно, стремится к наибольшей цельности повествования, сосредоточив все помыслы, все чувства героя вокруг воспоминаний о Христине и желания освободить ее. Подобная же «козерижность», сосредоточенность, как мы помним, была свойственна герою и в «Пропал без вести», но там эта благородная, неодолимая страсть приобщала молодого человека к жизни советского народа, к всенародному подвигу; в «Иду за тобой», напротив, — герой остается погруженным в свое особое, «отдельное» горе. Поэтому-то, во второй поэме не получает полного выражения великая моральная сила, жившая в душах участников освободительного похода. Лучшее место поэмы — глава «Раздумье», в которой поэт многократно «выходит из сюжета» и прибегает к способности «подумать» только о своем горе, но и о прекрасной мечте седлать степное море в танке, о мечте, живущей в сердцах всех советских людей, о будущем, которое надо завоевать и построить.

Тема создания и труда снова возникает в книге Долматовского уже на страницах последней, заключительной поэмы «Счастливого пути». Эта поэма возвращает нас к тому юноше, который вынул нам уважение своей целеустремленностью и стойкостью. Он приходит к мирной жизни возмужавшим и поумневшим. В главе, которая также носит название «Раздумье», — герой говорит об одном из своих спутников, высказывая и свои собственные сомнения и тревоги:

Он знал лишь ненависть и мужество,
И было жить на свете просто.
Как о нем сохлуте, как подуржате
Теперь науки и ремесла?

Общее направление пути героя ясно; мы верим словам поэта, несмотря на то, что прозвонит от их несколько высокопарно:

Помните нас туда, где погудели,
— Величие стрек — вот моя свобода.

Но еще нужно найти свое место на великой стройке, нужно войти в темноту грандиозных работ, нужно проверить свое мастерство или (если речь идет о молодежи) приобрести его.

Вот об этом-то переходном состоянии и написана третья поэма Долматовского.

На этот раз герою удается встретиться со своим спасительницей. Впервые Христина Вербина предстает перед читателем, как определенный характер, и в характере этом много скромного и ясного обаяния.

Образ Христины радует еще и потому, что он свидетельствует о появившейся и укрепившейся способности поэта видеть и чувствовать не только свою «одну судьбу», но и судьбы своих товарищей по борьбе и труду. Свойство в высшей степени нужное нашей поэзии.

В самом герое нас больше всего привлекает его воля к созданию, его искреннее желание стать в первые ряды строителей, после того как он был в первых рядах бойцов. Взаимолюбивый эдак он по тем местам, которые возвращены к жизни неюной силой и усилием его товарищей. Он решает вернуться в Сталинград, одним из защитников которого он был.

Вот он горю, где повернулись
Все пятки — и поплы вперед.
Помнишь, черные дыры улетели,
«Варьялды» — мертвый завод?
Поблещанье от мороза,
Вздох конвейера ты стрелки.
Помнишь, как ты свернул сквозь слезы
На изразенные ступки?

Вступлении к поэмам Евгений Долматовский писал:

Тут с героем придуумным автор
Друг на друга похож лицом.

Но наше дело — уточнить степень этого сходства лиц и событий. Но не подлежит сомнению другая, более важная, близость автора и его героя — близость душевная.

Во внутреннем росте молодого таиниста отразился и рост поэта, его создающего. Поколение, вошедшее в войну неоптимально, неопытным, вернулось к созданию закаленных и возмужавшим.

В одном из стихотворений 1943 года Евгений Долматовский писал:

Но зачертело сердце на войне,
Оно осталось жарким и влюбленным.

Это верные слова. Советские люди не зачертели, не ожесточились в испытаниях, — напротив, стали еще более человечными. Они стали умнее, зорче, дальновиднее. Они яснее видят будущее, указанное им Лениным и Сталиным.

Этот напряженный и постоянный процесс идейного роста советских людей — одна из важнейших тем нашего искусства, нашей поэзии. Герой Долматовского и в мирные годы хочет быть «на переднем крае». На переднем крае должен находиться и поэт.

Тут нет ни слова дидактического, право-учительного, но это настолько глубокое понимание ребенка, и отсюда очень точное изображение его ощущений. Ребенка как трудно назвать «читателем» этих стихов: мне такой маленький читатель представляется не иначе, как соавтором. В стихах Квитко дети улавливают свою выдумку, вот почему стих его так легко запоминаются детьми и даже могут обращаться ими в игру.

Вы посмотрите, как в стихах Квитко ребенок рассматривает жука; он рассматривает его близко, зорко, присев на корточки и наклонившись над ним, и очень подробно — «и пацаны» и «подложные ноги», — очень сочувственно, но сочувствие не мешает ребенку забавляться каждой неудачной попыткой жука улети:

...Но скоро опять сорвался,
Важ, как, точно спелая слива!

Ребенку забавно до тех пор, пока жук действительно не достигнет своего:

Но все же он достиг своего —
«Пиде на зеленую вершину».

И вдруг рассматривает на синике
Прочаренные крылья его.

И тогда открывается, что жуку нужно было «высокое место для старта, чтоб крылья распрости в полете. И это воспринимается ребенком очень естественно, он сам это наблюдал и понял.

Малышеские мечты о путешествиях опять-таки увидены автором воображением ребенка; может быть, ребенку даже покажется, что про «Волшебный ножик» придумал он сам.

«Я мечтаю, что однажды
Рано утром и проведу,
И мечтаю, что однажды
Лететь буду жуком» —
Из своей ложкиной тени
Взлетит маленький жулик.
И повздыхнет: «Мир чудесный,
Равнодушный и унылый».

И жуку и автору.
Всё доброе горюет!

И мальчик понимает, — «се севера и до юга, до Заполярного круга, а после опять сначала! Чтоб море меня качало, чтоб было в борту волдысь».

Жить так, чтобы всегда открывать
Ясное в жизни, — вот что хотеть и хотеть
Для мальчика с его выдумкой и живыми
В руках.

Фронтиспис и титул книги Ем. Букова «Анармон» работы В. Таубера (Детгиз).

Л. МАЛОГИН Молодой писатель и старые штампы

С большим интересом начали мы читать повесть Аркадия Миничковского «Мы еще встретимся».

Писатель рассказывает о молодых людях, вступающих в жизнь накануне войны. Герои повести — Владимир Ребриков и Нина Долгинина — проходят путь типичный для молодых юношей и девушек нашей страны. Ребриков — сначала солдат, потом офицер. Заканчивает он свой боевой путь адъютантом командира дивизии, мечтая по окончании войны поступить в военную академию. Нина Долгинина работает в госпитале.

Миничковский — наблюдательный человек, он подкапывает нас тонкостью деталей. Но если вы всевозможные подробности этой книги, то поймете, что писатель создает лишь иллюзию правдивости и достоверности, что знание жизни у него очень часто уступает место знанию литературы, к тому же не лучшим ее образцам. Миничковский видит вещи, но он плохо знает психологию людей. Очень часто он прибегает к литературным реминисценциям.

Особенно чувствуется эта литературщина в характеристике героя старшего поколения. Миничковский очень подробно рассказывает биографию отца героя повести — Владимира Львовича. Персонаж этот перешел в повесть из старых романов.

Владимир Львович — человек со странностями. Задумав сделать научную карьеру, он поступает в университет, но впоследствии уехал в Иркутск и занялся там астрономией. Затем бросил астрономию и стал заниматься цветоводством, потом фотографией. После этого более или менее серьезных увлечений им овладела менее благородная страсть — он купил рысака «Азарта». Увлекался Владимир Львович коллекционированием книг, фарфора, картин, моторной лодкой. Затем он стал «руководителем лабораторией», при этом Миничковский даже не сообщает — какой. Странности героя, как пишет автор, «поуменились», но не исчезли.

Самое удивительное, что этот невероятный человек живет не в прошлом веке, а в наши дни. Да и вообще такое обилие увлечений вряд ли может выдержать один характер.

Еще обиднее то, что его сын — Владимир Ребриков, — рожденный и выросший в советское время, тоже оказывается человеком с литературными прощаниями. В минуты фронтальных раздумий он вспоминает детство. Видения детства стали после Ребриковом. Вот папа. Ему и Андрею инспекции кулини, Андрею побольше. Володьке поменьше. Аннушка одета в белый кружевной фарук и такую же косынку, а мать, нардайна, в длинном платье, принимает гостей. Будет это воспоминание написано более выразительно, его можно было бы принять за цитату из «Детства Никиты» Алексея Толстого. Герой Миничковского вспоминает чужое детство.

Как-то мимоходом автор рассказывает, что Аннушка, которая за господ душу готова отдать, была, разумеется, религиозна и «потихоньку, еще в Вятке, крестила гологолового Володьку». «Но со временем это прошло», — пишет Миничковский. Но это как раз не прошло, и крещеного Володьку очень часто посещают непонятные для советского молодого человека старородные чувства.

Учень нравится, например, когда его связанная обращается к нему так, как в старое время делал к офицеру.

Этот странный «аристократизм» свойствен и подруге Володи — Нине Долгининой. Лишь во время войны удалось ей встретиться с простыми людьми. «Раньше я привалился Нине. Прежде, встречая этих простых, а иногда и грубых людей, слыша порой ругательства на улицах, она никогда не предположала, что они могут быть так терпеливы и добры, эти здоровые парня и небитые дядьки». Разве это не похоже на бабыню из «хорошего дома», стающую сестрой милосердия и впервые встречающуюся с «солдатиками»!

В повести рассказана история любви между Владимиром и Ниной.

А. Миничковский. «Мы еще встретимся». «Советский писатель», 1948. Стр. 228.

Вот это умение подробно и точно видеть мир глазами ребенка, изображать словами, очень доступно для ребенка, действие, мысль, иногда даже философский вывод, интересно поводит ребенка к малому, в котором он уловит большее, делает книгу стихов Л. Квитко «Весна» такой же занимательной, интересной и содержательной, как и остальные книги автора.

Что касается переводов, то надо сказать, что они не везде на высоте, но я думаю, что, несмотря на недостатки, неточности, недоговоренности многих переводов, книга Квитко дойдет до ребенка и будет одной из лучших книг. Главным недостатком переводов является часто употребление, при котором выпадает тонкая деталь и ясный, четкая мысль автора затуманивается. В некоторых переводах их недостатки заметны и без сравнения с текстом автора. Так в хорошем переведенном стихотворении «Подсолнух и кукуруза» про очень привлекательный подсолнушечник и кукурузу, которые сами очень различны («запелуны натуго наливающие початки. А подсолнух доверчиво весь раскрылся на градке...») Е. Благунина пишет, что они «чуть не лопнут от зрелости». Направляется поневоле: «чуть не лопнут от злости». Тут можно простой перестановкой слов избежать невыгодного в русской речи оборота. Как же переводчик в начале каждой строфы изложил употребляет союз «и». При этом размер им не веде соблюден. Затем же растягивать отчетливый и ясный текст автора?

Издание книги тоже вызывает возражение. Ее хочется посмотреть более нарядно, с рисунками, исполненными штампальным методом. В предпоследней строке «На Бембу» хорошо было бы сделать рисунок: крупей, лица выразительной. В очень хороших стихах о елочке, которыми открывается повесть, иллюстрация В. Кошачкина показывает именно то, чего нет в стихотворении. Елочка у Квитко «стоит, открыта асем ветрам», а на рисунке она как раз «в глуши лесной, в тиши лесной укрыта дубом и сосной».

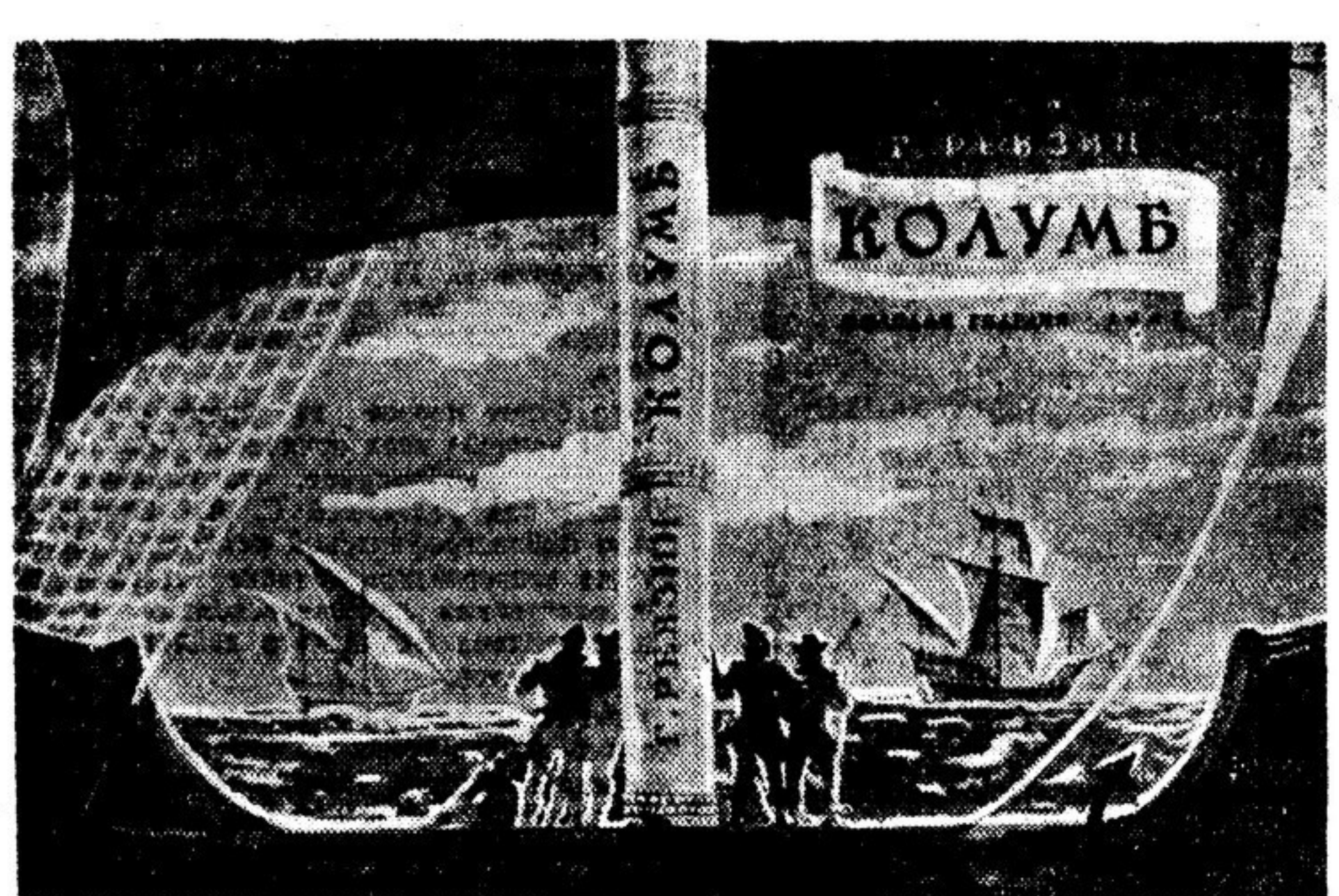
Книга, названная Л. Квитко «Весна», где автор говорит о весне человека, который из заре открывает глаза на широкий мир и готовится уместовать в его устройстве, обильнее и изысканнее относится к оформлению книги, так же любознательно как относится к своей задаче автор.

Обложка книги Симоны Чиковани «Песнь о Давиде Гурамишвили» работы Е. Смелова («Советский писатель»).

Литературная Газета № 13

Обложка книги Симоны Чиковани «Песнь о Давиде Гурамишвили» работы Е. Смелова («Советский писатель»).

Обложка книги Г. Резина «Колумб» работы И. Брюлина («Молодая гвардия»).

В. КОЖЕВНИКОВ МИР СВЕТЛЫХ ЧУВСТВ

В советской литературе тема Отечественной войны будет жить вечно. Даже если в одном гениальном произведении удастся наиболее полно воссоздать гигантские исторические события, определить судьбу человечества, то и тогда грандиозная тема не может быть исчерпана.

Советский человек периода Великой Отечественной войны остается навсегда образцом для многих поколений. В благоговейной и благодушной памяти потомков человек сталинской эпохи всегда будет примером самоотверженного и непоколебимого служения будущему. И как бы ни были прекрасны люди всеобщего коммунистического общества, связь толпу времени негасимым светом будут сиять их драгочинные черты сходящего советского человека — война и труженика.

Самое существенное в советской литературе, посвященной Великой Отечественной войне — ее человечность. Не подробности событий, а черты советских людей, повелевающих ходом событий, — в центре исканий большинства наших писателей, работающих над военной темой.

Особенно широкое развитие получила сейчас военная повесть. Очень важно, что большинство авторов этих повестей — бывшие фронтовики, зачастую первые вступающие в литературу. И если бы даже в их произведениях чисто событийная сторона войны с ее бытовыми подробностями занимала господствующее место, и тогда их книги имели бы значительную ценность, как редкое свидетельство современности. Но, за живым исключением, военные повести написаны людьми, которые стремились в своей писательской работе к высоким целям — к раскрытию духовного облика советского человека, к изображению таких черт его характера, которые являли на ход великих исторических событий.

В этом глубоком и принципиальном значении творческих особенностей нового писательского поколения, пришедшего в советскую литературу после войны.

В первом номере журнала «Знамя» за 1947 год напечатана повесть Эм. Казакевича «Звезда». В ней с безукоризненным знанием военной профессии рассказывается о действиях советских разведчиков в тылу врага. Скучно, с большим чувством меры автор рисует подробности военного быта, так что подробности эти приобретают качества лаконичных художественных характеристик.

Зная многие стороны войны, Казакевич сумел правдиво и глубоко показать состояние командира, которому необходимо решить сложную задачу: в изурнованном преследовании врага он отворачивает от него и теперь опасается встречи с противником, потому что дивизия обескровлена, а тылы отстояли. И в то же время командир хочет скорее встретиться с исчезнувшим противником и узнать, на что тот способен. Он понимает, что пора остановиться для того, чтобы привести людей и хозяйство в порядок, но одновременно сознает, что это противоречит страстному порыву всей страны и его собственному желанию.

Таких глубоко психологических зарисовок в повести немало.

Великолепно своей правдивостью короткое описание перехода военной операции из одной стадии в другую, когда к окопающейся пехоте прибавляет артиллерия, встречаем с великой радостью. К полному удовольствию солдат артиллерия производит огневые налеты на немецкие траншеи и блиндажи. «А когда подходить ближе полевая почта и накопившись за месяц наступления письма целыми пачками доходят до продрых солдатских рук...» — это уже почти счастливая жизнь. Так сказать может только человек зоркого психологического видения и проникновенного знания солдатской жизни.

Уже один эти детали говорят о незаурядном литературном даровании. Но нас привлекает в «Звезде» Казакевича другое — люди, чьи черты и освещает повесть светом настоящего искусства.

В командире разведчиков лейтенанте Травнике Казакевич удалось показать образ советского молодого человека — храброго, бесстрашного, отдающего все свои силы служению родине, целеустремленного и бескорыстного, для которого идеальные и нравственные коммунистические понятия являются единственно возможными.

Разведчик Мамочкин — побор, бесшабашный, самолюбивый, «елобил (Травника) именно за те качества, каких не хватало ему самому: за самостоятельное отношение к делу и за абсолютное бескомпромиссность».

Последовательно и просто раскрываются в повести высокие и ясные духовные черты ее героев. Нежностью и чистой проминкута в ней тема неразделенной любви разведчика Кати к Травнику. И как хорошо помещено двойственное чувство, переполняющее сердца солдат, знающих об этой любви, когда они даже порицали своего командира за равнодушие к девушке, хотя одновременно и гордились его непростительностью.

Казакевич удалось поэтически и проникновенно рассказать о возвышенной и чистой любви.

Обложка книги В. Инбер «Стихи» работы В. Горьева (Детгиз).

Эм. Казакевич, «Звезда», «Знамя», № 1, 1947 г.

В. Инбер, «Стихи», Детгиз, 1946 г.

Обложка книги В. Инбер «Стихи» работы В. Горьева (Детгиз).

Л. Квитко. «Весна». Стихи для детей. Детгиз, 1946 г.

Н. ЕМЕЛЯНОВА Радость узнавания жизни

Лев Квитко владеет даром подмечать те тонкие и малозаметные движения жизни в природе, которые, будучи открыты поэтом, становятся явными каждому, и так, что человек как бы всегда это знал и сам. Но без поэтического открытия человек прошел бы мимо многого, что его окружает и ощущается как тихое и равное дыхание жизни. Я — взрослый человек и литературный работник — могу так понять стихи Л. Квитко, но ведь это — книга для детей, и как же подойти к такой книге, чтобы сказать, хороша она или плоха не с моей только точки зрения, а для тех, кому она предназначена?

Чужо слышное,
Впервое, с ним —
Зернышко стало
Звонким и большим.

Именно в детстве та удивила меня и тысячи ребят чудотворно живого расцвела из крошечного зернышка, именно так мы наблюдали движение каких-то неизвестных нам еще существ, невидимых в густой траве:

Что это значит,
Понять не могу.
Что это скажет
На миглу дугу?

Мелькает и не мелеет,
Мелькает и зыблет,
Мелькает — душистой
Траве пронадет.

И ширю тычючю,
Тычо тычючю,
А куда же отпретает
Тут что-нибудь?

И одно за другим ребенку открывается новое в необыкновенно разнообразном мире явлений, которым Квитко окружает его в своей книге. Ребенку все в этом мире знакомо: и березка, и лес, и подсолнух, и жуки бабуси, и усталая мать, но автор бережливо и легко подводит его к новым представлениям о мире и к чувствам, которые обогащают ребенка и легко им воспринимаются, потому что в стихах Квитко ребенок уже нашел себя, ему кажется, что это все, показанное автором, он узнал сам.

В одном из лучших стихотворений — «Рыбак» — говорится, как стремительно бежавший мальчик увидел на ларе, где спят рыбы, рыболовные снасти, усталую мать. Мать всю ночь работала в пекарне у жидкого пени, не спала, но ведь и на реку с Кузьминем ходила!

Ушел ли Кузьмин?
А что, если там?
На минутку поглядеть?
Безмятежно мальчик
Стоит у ларца.
Пусть лучше уйдет
Кузьмин, поскорее!

Л. Квитко. «Весна». Стихи для детей. Детгиз, 1946 г.

Обложка книги Симоны Чиковани «Песнь о Давиде Гурамишвили» работы Е. Смелова («Советский писатель»).

Литературная Газета № 13

КНИГА О ДИККЕНСЕ

Перед нами — беллетризованная биография писателя — так определяет свою книгу о Диккенсе Евгений Ланн.

Автор не имитирует и не стилизует, не пытается писать «диккенсовою манерою». Это и не нужно, и невозможное.

Нет в книге никаких авторских вымыслов. В повествование не вводятся вымышленные положения, вымышленные персонажи.

Высказывания Диккенса, его оценки людей и событий не «придумываются» автором; в их основе — реальная документация (в частности широко и хорошо используемая диккенсовская переписка).

Как возникает и развивается писатель, какие события, какие общественные явления определяют стоящие перед ним задачи, как складываются сюжеты, рождаются персонажи его произведений, — вот что интересует автора.

Например, Диккенс в Америке; идеализированные представления его об американской демократии рушатся; страна его воображения оказалась не тем, о чем писал мечтал; отсюда — «Американские заметки» и «Мартин Чезлвуд».

Разумеется, такой подход предполагает оценку Диккенса, как художника-реалиста. (а не «эскадрильщика» и «мифотворца»); это толкование проводится последовательно на протяжении всей книги.

При таком подходе информация о йоркширских школах, чартизме, рабочих домах, парламентских и судебных английских порядках и т. д. уже не является «фоном», а становится необходимым элементом развертывающегося действия.

Перекликающиеся сюжеты диккенсовских романов также естественно входят в это действие и не воспринимаются как отступления, прерывающие собственно биографическую нить.

Такого органического построение — большое достоинство книги Е. Ланна.

Какие пожелания могло бы высказываться в связи с изложением и характеристикой той или иного романа Диккенса? Там, где идет речь о «Надем общем друге», следовало бы подробнее воспроизвести черты одного из примечательнейших диккенсовских персонажей: «Мир мистера Подосава был не слишком обиходен как в нравственном отношении, так равно и в географическом. Хоть мистер Подосав и видел, что его собственное торговое дело питается торговлей с другими странами, он не менее считал другие страны во всем прочем не более как обширный прилавок, который надо было обходить и обходить и обходить».

Особенно удачны заключительные главы: Диккенс, измученный, больной, ездит по городам Англии, Шотландии, Ирландии, выступая с чтением своих произведений, всего себя отдавая личному общению со своей аудиторией.

но, но не было уродливости, не было приспособления к буржуазному вкусу. В книге хорошо представлено, как эпизим Диккенс описывает, как отношение писателя к буржуазному обществу становится все более критическим.

Можно указать еще один признак этой эволюции мировоззрения. Беллинский писал: «Как истинный художник, Диккенс верно изображает злодеев и извергов жертвами дурного общественного устройства; но как истинный англичанин, он никогда в этом не сознается даже самому себе».

Книга Е. Ланна — не научное исследование, а художественно-литературное произведение. Интерес к историко-литературной стороне дела и ограничение «вымысла» не приводит к ущербу художественному заданию.

Историко-литературное осмысление темы в равной степени необходимо и для научной и для беллетризованной биографии. А «вымысел», как нечто противопоставляемое фактической полноте изображения, вовсе не является обязательным признаком искусства.

Как же установить отличительные черты беллетризованной биографии? Недостатком было бы сказать, что ее задача — воссоздание «образа писателя», потому что и научная биография писателя тоже воссоздает его «образ», только другими средствами.

На научную биографию, в отличие от беллетризованной, не стремится к тому, чтобы представить жизнь героя, как «движущуюся картину».

В научной биографии мы не встретим таких, например, строк: «Он идет, как всегда, чуть-чуть похавшись вперед правым плечом, поднимается на ступень, кладет на него перчатки и книгу и обводит взглядом зал...».

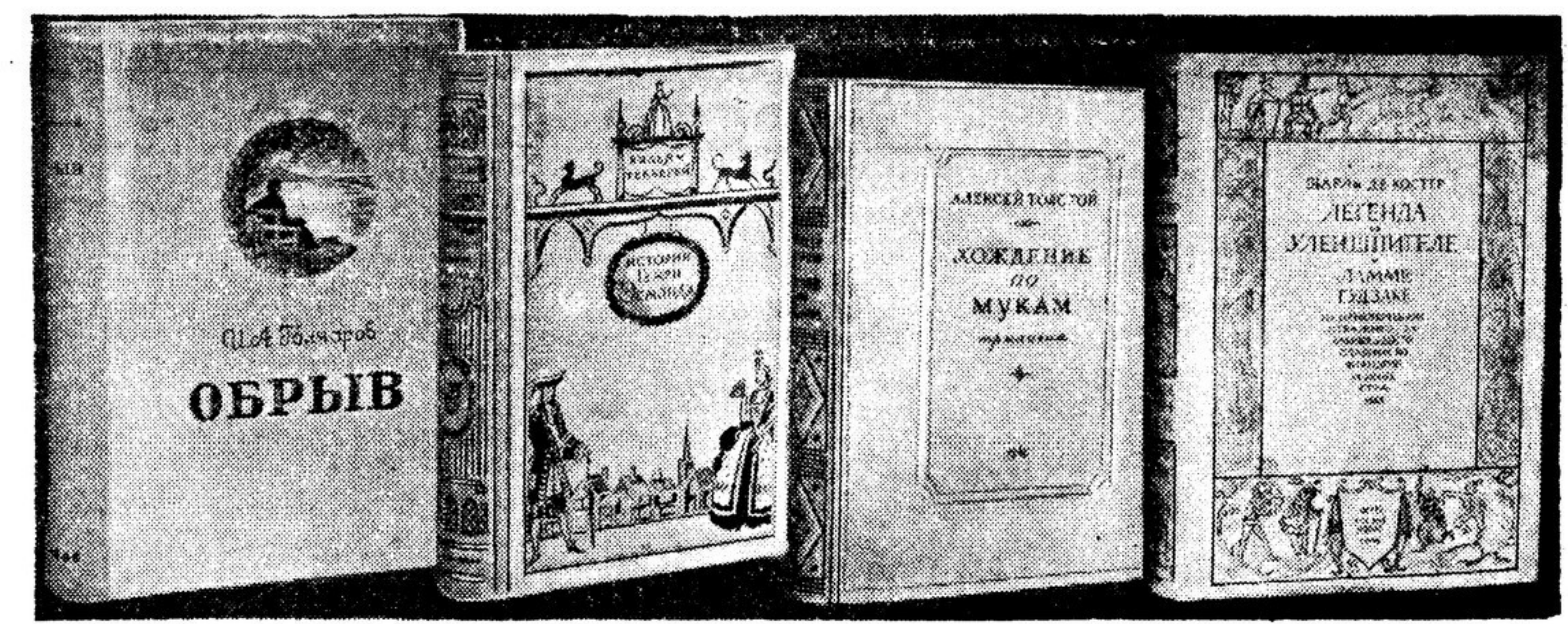
И наоборот, в беллетризованной биографии мы найдем описание внешности героя, его привычек, его манеры, его речи.

Вопрос можно и нужно поставить так: удачно ли (естественно, без нарочитости) осуществляется Ланном переклоение «фактической основы» в «движущуюся картину»? Думаю, что ответ должен быть утвердительным.

Особенно удачны заключительные главы: Диккенс, измученный, больной, ездит по городам Англии, Шотландии, Ирландии, выступая с чтением своих произведений, всего себя отдавая личному общению со своей аудиторией.

Начат последний роман — «Тайна Эдвина Дрейка». Написанное им — полнейшим читателем серебряный барельеф с фигурами времени года, среди которых нет зимы.

Автору, действительно, удалось передать в «движущейся картине» общественную страсть и творческое беспокойство писателя, его неустанный гонимый.

Обложки новых книг Гослитиздата: «Обрыв» И. Гончарова (работа А. Силина), «История Генри Эмонда» В. Теккерея (работа С. Пожарского), «Жоде и мукам» А. Толстого (работа А. Николаевцева) и «Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гузаке» Ш. де Костера (работа В. Могилевского).

Подготовка к 800-летию Низами

БЕССЕДА С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ КОМИТЕТА ПО ПРОВЕДЕНИЮ РАБОТЫ КОМИССИИ ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР МИРА ИБРАГИМОВЫМ.

В сентябре текущего года отмечается 800 лет со дня рождения великого азербайджанского поэта и мыслителя XII века Низами Ганжвизи. Этот юбилей — знаменательное событие не только в жизни азербайджанского народа, но и всех народов нашей страны.

Ученые Азербайджана ведут углубленные исследования творчества Низами. Издаются его сочинения, создаются новые художественные произведения о великом поэте и его эпохе.

Институт литературы имени Низами в течение ряда лет работает над подготовкой критического текста литературного наследия Низами. Общий объем составляющих его пяти томов — двадцать тысяч страниц.

Кроме того, институт издает сборник научных статей азербайджанских литературоведов о жизни и творчестве Низами. Государственное издательство, выступившее ранее поэмы «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц» и «Искендер-наме», издает к юбилею азербайджанском языке сборник «Низами» и поэмы «Хосров и Ширин» и «Сокровища тайны».

Союз советских писателей Азербайджана в ближайшее время возобновляет издание литературного альманаха «Низами» на азербайджанском и русском языках.

В этом году Баку украсит памятник Низами, установленный на площади его имени перед домом-музеем великого поэта.

Художественная литература на литовском языке

ВИЛЬНОС. (От наш. корр.) Государственное издательство художественной литературы Литовской ССР в 1946 году издало 79 книг (898 печатных листов, тираж — 797,500 экз.).

Среди вышедших в прошлом году книг много произведений современных литовских писателей: Люда Гира, Эдуардас Межелайтис, Коста Коссака, Саломея Нерис, Петрас Вайчунас, Валерию Вальсюнене, Баласа Сруога, И. Марцинкявичюса и т. д.

Кроме того, изданы переводы произведений русской классической и современной литературы: вся проза А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, «Записки охотника» И. С. Тургенева, «Мертвые души» Н. В. Гоголя, «Во время» А. П. Чехова, «Мать» и «Детство» М. Горького, «Казаев» Д. Фурманова, «Морские рассказы» А. Никольского, «Как закалилась сталь» и «Рожденные бурей» Н. Островского, «Разгром» А. Фадеева, П. том «Тихого Дона» и «Юни сралжились за Родину» М. Шолохова, «Паленые Парижа» И. Эренбурга, «Сын полка» В. Катаева и др.

Издан 15-тысячным тиражом сборник статей В. И. Ленина «О литературе».

Конкурс на лучшие переводы

КАЗАНЬ. (От наш. корр.) В связи с 30-летием Великой Октябрьской социалистической революции Советских писателей Татарии и Татариздат объявили открытый конкурс на лучшие переводы русской классической и советской литературы — на татарский язык и лучших произведений татарской литературы — на русский.

У писателей Ленинграда

«Против безидейности в литературе». ★ Творческое содружество с белорусскими поэтами. ★ Читательская конференция в селе Рождество. ★ Издательство или пересылочная контора.

Вышел изданный ленинградским отделением издательства «Советский писатель» сборник «Против безидейности в литературе».

В сборник вошли статьи, напечатанные в журнале «Звезда» после исторического постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года. Книга открывается статьей А. Егидина «За высокую идейность советской литературы». Далее в первом разделе следуют статьи: Л. Плоткина «Сила советской литературы» и «Прозвонение безидейности» — М. Зошенико, И. Маслина «Поэт и народ» и И. Сергеева «Об антинародной поэзии А. Ахматовой».

Во втором разделе собраны включены статьи В. Мейлаха «Борьба Ленина с идеологией «Вехи» и Векслера «Традиции русской критики 40—60-х годов в борьбе с теорией «чистого искусства»», В. Евгеньева-Максимова «Нераскрытый талант» и Р. Мессер «Эстетические принципы Добролюбова».

Подготовлена к изданию на русском языке «Антология белорусской поэзии»; для этой книги ленинградские поэты и переводчики перевели 12.000 стихотворных строк.

Переводы стихов, вошедших в антологию, были направлены в Минск для предварительного ознакомления с ними литературной общественности Белоруссии. «Антология белорусской поэзии» подготовил и выдал в печать секция и правление ССП БССР, обобщившими большую работу, проделанную в Ленинграде.

«Общественность и Союз писателей Белоруссии», — сообщает правление ССП БССР, — прилагает к изданию «Антологию белорусской поэзии» на русском языке большое политическое значение. Антология является первым в истории белорусской поэзии изданием, представляющим новый белорусский поэтический материал в развитии до наших дней. Это будет пока единственная книга, которая даст возможность познакомиться с белорусской поэзией не только русскому читателю, но и всем читателям многонационального Советского Союза.

В Ленинграде получено сообщение, что поэтами Белоруссии подготовлен и издан сборник переводов «Поэты Ленинграда». В Минске заложено также издание на белорусском языке сборника рассказов ленинградских писателей.

Повесть ленинградского писателя Н. Тощакова «Чарома» — одно из первых произведений советской литературы, посвященное послевоенной жизни колхозов. На днях повесть обсуждалась на читательской конференции в селе Рождество. Гатчинского района. На обсуждение собралось более ста колхозников и представителей сельской интеллигенции.

Выступили (Фелотова, Семрягина, Соколов, агроном Фелотовола и др.), давши

положительную оценку книге, выдвинули перед писателями ряд актуальных требований, относящихся к художественной литературе. — Сельский читатель, — заявили они, — ждет от советских писателей глубоких и содержательных книг, раскрывающих жизнь послевоенной колхозной деревни.

Н. Тощаков, а также участвовавшие в конференции писатели К. Ванни и критик Т. Трифонов ответили на многочисленные вопросы колхозников.

Конференция, посвященная повести «Чарома», организуется и в других районах Ленинградской области.

На очередном заседании президиума ЛенССП обсуждалась работа ленинградского отделения Детгиза.

В этом году, как сообщил директор ленинградского отделения издательства Д. Чевычелова, производственная программа Детгиза в Ленинграде значительно увеличилась: вместо 12 млн. листов-оттисков 1946 года, в 1947 году должно быть выпущено 20 млн. листов-оттисков. Издательский план предусматривает выход в свет около 60 названий. Однако большинство книг, фигурирующих в плане, является переизданием. Новых книг для детей и, особенно, произведений на современные темы в плане очень мало.

В преинх по докладу Д. Чевычелова приняла участие А. Прокофьев, Э. Выголкин, В. Воеводин, Л. Успенский, И. Канзухова и др. Писатели не согласились с высказанным Д. Чевычеловым мнением, что производственные возможности ленинградского отделения Детгиза шире, чем авторские возможности ленинградских литераторов. Был приведен ряд примеров, свидетельствующих, что установленная в последнее время в издательстве практика не только не содействует, но и зачастую мешает творческой работе писателей над детской книгой. В сущности, ленинградское отделение Детгиза превратилось в своеобразную «пересылочную контору»: не проявляя достаточной инициативы и самостоятельности, отделение издательства пересылает новые книги для утверждения московским редакторам, в столицах которых работают ленинградские авторы, застрявшие на долгие месяцы. Сроки выхода новых книг измываются годами.

Ничего не предприняло издательство для установления тесной творческой связи с писательской общественностью: писатели не входят даже в редакционный совет ленинградского отделения Детгиза.

На заседании президиума ЛенССП были подняты также вопросы, связанные с расширением детской книги. Недавно, на встрече детских писателей с дошкольными работниками, выяснилось, что книги для детей дошкольного возраста не попадают в детские сады, а книги комплекты лишь школьные библиотеки.

В секции народного творчества ССП СССР

На днях состоялась переборка бюро секции народного творчества при Союзе советских писателей. В состав нового руководства избраны писатели и фольклористы: — проф. И. Розанов, А. Твардовский, В. Лебедев-Кумач, И. Гутерос, Э. Гофман, Н. Рождественская, В. Сидельников и С. Жислинка.

Секция существует с 1935 года. В ее работе принимают участие виднейшие советские писатели и фольклористы. Особое внимание секция в последние годы уделяла сборнику и изучению материалов о Великой Отечественной войне. С докладами на эту тему выступали проф. И. Розанов, проф. С. Бугославский, доцент Э. Гофман, В. Кру-

В. Г. Белинского

На заседании редсовета Гослитиздата

В 1948 году исполняется 100-летие со дня смерти В. Г. Белинского. В связи с этим Гослитиздат приступает к изданию полного собрания его сочинений в десяти томах.

Это будет первое за время советской власти издание всех сочинений Белинского, тем более необходимым, что издание, вышедшее под редакцией С. А. Венгеров, стало библиографической редкостью. К тому же венгеровское издание устарело, так как советскими литературоведами и исследователями Белинского найдено много новых текстов.

Сочинения великого критика распространяются в десяти томах по строго хронологическому принципу. Исключение составляет лишь письма, которые будут выделены в два заключительных тома. Письма Белинского, подвсвгившие, как известно, гонениям царской цензуры, впервые будут напечатаны без цензурных кушур.

Подробный план издания, изложенный Ф. Головиненко, обсуждался на заседании редакционного совета Гослитиздата. Участники обсуждения Н. Гузайн, А. Мясников, Кост. Федин, С. Бачков и другие сделали ряд конкретных замечаний, касающихся принципа издания. Для редакционной работы над изданием избраны комиссия в составе: Ф. Головиненко, Д. Благого, Н. Бродского, А. Мясникова, Н. Гузайн и Н. Ильина.

Книги о советской деревне

Издательство «Советский писатель» готовит к печати и выпустит в этом году ряд книг на деревенскую тему. Большинство из них посвящено жизни колхозов и совхозов во время Великой Отечественной войны.

О героическом труде людей союза в дни войны рассказывает повесть К. Ванни «Отец». Жизнь и работе колхозов в военных условиях посвящены повести Е. Нагаевой «Страда» и А. Субботина «Простые люди». Произведение Д. Стонова «Твой сегодняшний день» показывает, как подвиги бойца Советской Армии, бывшего председателя колхоза, которому по смертному приговору звание Героя Советского Союза, оказал огромное воздействие на жизнь и судьбу его родных товарищей, всего колхоза в целом. Простая советская женщина, ставшая во время войны руководителем колхоза, является центральным образом повести Г. Медвского «Марья».

Жизни колхозов во время войны посвящены рассказы А. Амира (Татарская АССР), поэма киргизского писателя Т. Сыдыкбекова «Люди наших дней» и роман «Любовь» туркменского поэта А. Кехилова.

В романе В. Костылева «Счастливая встреча» показана нижегородская деревня в первые годы революции. История большого села в Прибайкалье — тема произведения И. Чернова «Семейщина». О жизни одного казакского колхоза с начала коллективизации и до наших дней рассказывает книга казакского писателя Г. Мустафина «Шиганак Берсене». Главный герой, именем которого назван роман, действительно существовавшее лицо — знатный колхозник Казахстана. Период коллективизации деревни освещается в романе И. Папаскира (Абхазия) «Темпы» и в повести М. Амира «Река Белая».

Будут переизданы в этом году роман В. Смирнова «Сны» (о росте деревенского человека в условиях колхозного строя) и повесть П. Замойского «Подласко» (о жизни деревни свободной России в период революции 1905 года).

«Советская литература для детей»

Так называется сборник, который вытпскает к 30-летию советской власти издательство «Советский писатель».

Сборник открывается статьей и избранными высказываниями А. М. Горького о литературе для юных читателей. Далее следуют статьи: А. Макаренко — о стиле советской литературы для юношества и большая программа статьи о пути развития и итогах детской советской литературы.

Обзор советской поэзии дадут Е. Книпович и В. Смирнова. «Повесть о детях и повесть для детей» — такова тема статьи Т. Габбе. Об образе ребенка в советской литературе (по книгам Неверова, Григорьева, Пантелеева, Макаренко, Островского, Кассиля, Гайдара, Катаева, Фадеева) пишет В. Смирнова. В сборнике печатаются также статьи А. Иванча — о научно-художественной литературе и А. Лейсева — о влиянии советской детской литературы на зарубежную.

В книге будут даны литературные портреты В. Маяковского, А. Толстого, А. Гайдара, В. Житкова, С. Маршала, А. Барто, С. Михалкова, Л. Кассиля и М. Ильина. Объем сборника — 15 листов.

Премьера пьесы «Русский вопрос»

Сегодня Театр имени Ленинского комсомола — первый из московских театров — показывает премьеру пьесы К. Симонова «Русский вопрос».

Спектакль поставлен драуромом Сталинского премия народной артистки РСФСР С. Бирман. Роли исполняют: Макферсон — народный артист РСФСР и Уз. ССР И. Берсене, Гарри Смитта — А. Пелелин, Джекси — заслуженная артистка РСФСР В. Серова, Гуляда — Б. Плотников, Марфи — заслуженный артист Грузинской ССР В. Брагин, Харди — А. Шагов, Мер — А. Козлова, Престопа — В. Адлеров, Кесслера — В. Марута, Вильямс — С. Килигин. Художественное оформление — И. Вускович.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ. Редакционная коллегия: Б. ГОРБАТОВ, В. КОЖЕВНИКОВ, А. МАКАРОВ (зам. главного редактора), В. СМЕРНОВА, А. ТВАРДОВСКИЙ.

В пятницу 11 апреля с. г. В Институте мировой литературы при АН СССР (ул. Воробьевский, 25-а) в 14 часов состоится защита диссертаций

1. На соискание ученой степени кандидата филологических наук В. Х. ЧЕРНЯКОВ (на тему: «ЭНИЦИКЛОПЕДИЯ» (Проблема этногика и художественной литературы)).

(Официальные оппоненты: доктор филологических наук И. М. Нуссов и доктор филологических наук В. Ф. Асмусян.)

2. На соискание ученой степени кандидата филологических наук В. А. МАКСИМОВ (на тему: «ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОМАНА А. М. ГОРЬКОГО «ДЕЛО АРТАМОНОВЫХ»».

(Официальные оппоненты: доктор филологических наук В. Д. Крптович и Г. Делтаев.)

О диссертациях можно ознакомиться ежедневно (кроме обеденных перерывов) в секретариате Института с 10 час. утра до 5 час. вечера.

Английский вариант „свободы“ печати

И. ЗАВИЧ

В выступлениях британских общественных деятелей, принадлежащих к консервативной или лейбористской партиям, часто можно встретить утверждения, будто в Англии царит полная свобода писательского творчества — свобода от всякой цензуры, официальной и неофициальной. Однако реальное взаимоотношение между писателями и издательствами, писателями и печатью, наконец, между писателями и представителями государственного аппарата Англии свидетельствуют о том, что высказывания британских публицстов буржуазной демократии не имеют ничего общего с действительностью.

Что стоит громкие фразы о «свободе печати» в Англии, показывает хотя бы тот факт, что одну из наиболее значительных пьес Бернарда Шоу «Профессия г-жи Уоррен» в течение почти 50 лет запрещалось ставить на сцене.

Сравнение напечатанных пьес Шоу, Пристли и других авторов с театральным текстом показывает, что театральная цензура (эта, по выражению Шоу, самая глупая из цензур) вторгается в свободу творчества автора гораздо решительнее, чем нас хотят в том убедить. Английские драматурги все чаще и чаще следуют примеру Шоу, излагающего свои пьесы с пространными предисловиями, в которых автор предупреждает о театральном цензуре, искажающей его замыслы.

Цензура для театральны предствлений осуществляется ведомством королевского двора во главе с главным камергером («лордом-чемберленом»). «Лорд-чемберлен» назначается премьер-министром, но, как правило, со сменой кабинета не происходит смены этого чиновника; считается, что его должность не политическая, а потому и не подведомственна кабинету министров. Почти всегда, «лорд-чемберлен» принадлежит к аристократии по рождению и, как правило, придерживается консервативных взглядов. Его запрещение является окончательным и обжалованию не подлежит.

Политическая цензура была введена в Англии в 1914 году «Актом о защите государства», который действовал в продолжение почти пяти лет (1914—1919) и затем был возобновлен в период второй мировой войны.

Этот «Акт» предусматривал запрещение газет, журналов или книг «за вредное на-

правление». Так, в 1941 году была запрещена газета компартии «Дейли Уоркер», запрещена без всякого судебного преследования. Только два с половиной года спустя это запрещение было снято. Неудивительно, поэтому, что вытпоскому подробно из термины фашистского лидера Муссоли официально не было запрещено издавать книги и основать издательскую фирму. Не была закрыта и консервативная газета «Дейли Миррор», разгласившая государственную тайну. (Эта газета напечатала важную информацию о потоплении судов во время войны).

Военная цензура в Англии направляла редакторов газет перечню тем, нежелательных для обсуждения.

Самым серьезным мероприятием, ограничивающим свободу печати в Англии, является так называемое законодательство о клевете в печати, причем в это понятие «клевета» вкладывается весьма своеобразное содержание. Этот закон предусматривает материальный иск к автору, редактору и издательской газете или журналу в случае, если той или иной публикацией будет нанесен какой-либо ущерб.

Такое законодательство прежде всего лишает писателя возможности освещать условия труда и жизни рабочих на конкретных предприятиях. Именно поэтому видные английские романисты, как Беннетт, Пристли, Уэллс, Форстер и другие должны были специально уведомлять читателей о том, что все их герои — лица вымышленные.

Интересно отметить, что то же законодательство препятствует беспрепятственному обсуждению в печати художественной литературы. Резко отрицательные рецензии могут «нанести ущерб» изданию, поэтому британская печать предпочитает замалчивать некоторые литературные произведения.

Писатель Джим Феллан в своих выступлениях не раз указывал, что по отношению к литературным произведениям, как и по отношению к любому другому «товару», в Англии полностью применимо понятие рынка. Джим Феллан имел в виду прежде всего то обстоятельство, что литературное творчество подчинено законам капиталистиче-

ской конъюнктуры. Издатель заботит, разумеется, о том, чтобы не восприятие общественно-го вкуса, а продажа «товара», и он приспособляет свой товар к требованиям «рынка».

Воспоминания Герберта Уэллса, переписка Голсуорси, биографии Шоу, предисловия к пьесам Пристли, выступления английских критиков дают нам богатый материал для суждения о том, из каких принципов исходит хозяева книжного рынка, осуществляя превращение литературы в товар. «Занимательность» — вот первое требование коммерческой цензуры. В годы войны эта тенденция привела к тому, что английские издательства охотно публиковали произведения на экзотические темы, остроумные и выходящие по своему содержанию за пределы, романы и повести с уклоном в порнографию.

Для некоторых писателей издательская цензура создает почти непреодолимые препятствия. К числу этих авторов принадлежит, например, Круони, выступавший, как издатель, в своих романах против так называемой «коммерческой медицины». Он справедливо обвинял ее в консерватизме, спекуляции на невежестве и в стремлении к монополии.

В период между двумя войнами в Англии образовался новый и весьма своеобразный «рынок» книг. Мы имеем в виду «Общества книг» («Book Societies») и «Клубы книг» («Book clubs»).

«Общества книг» — это ассоциации читателей, вступающих в члены «Общества» и вносящих вперед подписную плату за 12 книг в год. «Общество книг» пользуется услугами «комитета», состоящего из критиков, писателей и знатоков литературы. Комитет ежемесячно производит отбор «лучшей книги», которая, таким образом, получает гарантированный сбыт в размере 20—25 тысяч экземпляров. Издательские фирмы заинтересованы в такой «рекламной» и поэтому предлагают «Обществу книг» специальную торговую скидку с цены; а это позволяет «Обществу» платить жалованье членам «комитета», содержать аппарат, нужней для рассылки книг и переписки с членами «Общества» и т. п. В «комитете» крупнейшее «Общество книг» преобладают имена первых литературных деятелей. Постепенно эти «Общества» попали в полное подчинение цензурного аппарата.

Интересно отметить, что в издательствах работают консультанты, которые судят о коммерческой рентабельности книги. Эстетическо-литературная оценка консультанта не касается. Он должен определить возможности распространения предполагаемого издания и дать ему коммерческую калькуляцию.

Вначале выходят так называемые «коммерческие экземпляры» книги (Trade copies). Это и сигнальные экземпляры в нашем понимании (у нас сигнальные экземпляры тиража идут для проверки оформления книги, тираж которых уже определен). «Коммерческие экземпляры» в английских издательствах предназначены для рецензентов газет и журналов. Только после печатных отзывов издается основной тираж, объем которого зависит от характера рецензий.

В романе Хаксли «Контрапункт» показана работа журнального рецензента. На его стол попадает много «книжек», и он производит предварительный отбор. Как правило, рецензии составляются не специалистами, ибо

рецензент-специалист, добросовестно относящийся к своему делу, не в состоянии уложиться в короткий срок, который проходит между выпуском в свет «коммерческого экземпляра» и основным тиражом. Большие литературные журналы, где поднимаются люди с именами, дают обстоятельные отзывы лишь после выхода в свет основного тиража, но их оценки на «рынок» почти не влияют.

В сущности, газетный рецензент, определяющий судьбу книги, — это заурядный репортер, получающий построчный гонорар или чаще всего определенное жалование за прочитанное в неделю число страниц. Эти люди наблюдают себе руку на отъеме, не говорящих почти ничего о самой книге. Существует неписанный закон коммерческих рецензий — нельзя пересказывать содержание романа или повести, так как читатель, желая приобрести книгу, не должен заглядывать вперед ход развития сюжета, иначе он купит книгу. Коммерческие рецензент-репортеры почти всегда представляют книгу с предвещающими произведениями автора, уже известными им, дают несколько забавных сведений о его жизни, и эти сведения говорят за или против писателя, в зависимости от того, как расположился к нему редакция. Дело издателя — извлечь из такого отзыва те несколько слов, которые могут быть восприняты, как реклама новой книги.

Отрицательное отношение коммерческой критики к новым книгам чаще всего принимает форму «молчания». «Молчат» о книгах даже известные авторы. Замалчивают и определенные темы или произведения нежелательного направления. О книге Александра Берта, посвященной Сталину, газета «Санди Таймс» (московским корреспондентом которой он был) поместила «рецензию» размером в три четкие строчки. Что руководило редакция? Пошловато, нежелание довести до читателя благожелательные по отношению к СССР высказывания Берта. В Соединенных Штатах более двадцати лет замалчивались произведения Эптона Синклера, «оскорбившего» печать своей правдивой книгой «Медная марка». Синклер должен был организовать собственное издательство и свой аппарат распространения.

Примером, подтверждающих наши выводы о «свободе творчества» в Англии, можно было бы привести значительно больше. И свобода творчества, и свобода печати в стране «классической» буржуазной демократии — просто миф, выдумка для простаков.

братских республик — К 4-60-02. детской, областной и иностранной литературы